

О.В. Пономарева, Н.А. Илюхина**ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИЦА В ИЗМЕНЕННОМ
СОСТОЯНИИ ЕГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

© Пономарева Олеся Владимировна – магистрант кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: lisenok_100_90@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3924-4825>.

© Илюхина Надежда Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: ilnadezhda@rambler.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

АННОТАЦИЯ

В представленной статье на материале художественных текстов рассматриваются языковые способы отражения внутреннего мира лица, находящегося в состоянии наркотического опьянения, и восприятия им окружающей действительности с целью оценки этих способов с точки зрения специфики по сравнению со способами отражения разных типов внутреннего состояния лица в норме в русской языковой картине мира. Особое внимание уделяется рассмотрению способов текстового отражения отдельных явлений, характерных для состояния наркотического опьянения: «раздвоения личности», «удвоения пространства», галлюцинаций.

По итогам исследования делается вывод об отсутствии специфических приемов изображения состояния наркотического опьянения и восприятия лицом окружающего мира в этом состоянии: в одних случаях используются метафорические образы, типичные для отображения различных вариантов эмоционального, ментального, физиологического состояния в русской языковой картине мира; в других задействованы типичные способы описания различных форм измененного состояния сознания, известных каждому человеку и широко представленных в разных видах дискурса, в том числе в художественных текстах: сновидений, воспоминаний, фантазий, плохого самочувствия и т. д.

Проведенный анализ выявил различие в оценке некоторых изображаемых аспектов восприятия действительности с позиций человека, переживающего их, и с позиций читателя. В определенных случаях (при описании галлюцинаций и др.) средства, воспринимаемые читателем как образные (метафорические), отражают впечатления, реальные для субъекта этого состояния, воспринимаемые им сенсорно, в этом случае соответствующие средства неодинаково оцениваются говорящим (повествователем) и читателем.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация, метафора, олицетворение, измененное состояние сознания, внутренний мир.

Цитирование. Пономарева О.В., Илюхина Н.А. Отражение внутреннего мира лица в измененном состоянии его сознания (на материале художественных текстов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 135–142. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-135-142>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-135-142
UDC 811.161.1

Submitted: 12/VIII/2018
Accepted: 14/IX/2018

O.V. Ponomareva, N.A. Ilyukhina

REFLECTION OF THE INNER WORLD OF A PERSON IN A CHANGED CONDITION OF HIS CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL OF ARTISTIC TEXTS)

© Ponomareva Olesya Vladimirovna – Master's degree student of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: lisenok_100_90@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3924-4825>

© Ilyukhina Nadezhda Alexeevna – Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: ilnadezhda@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

ABSTRACT

The article presents, on the material of artistic texts, linguistic ways of reflecting the inner world of a person in a state of narcotic intoxication and his perception of the surrounding reality with a view to evaluating these methods from the point of view of specifics compared to methods of reflecting different types of internal state of a person which is normal in the Russian linguistic view of the world. Special attention is paid to the ways of textual reflection of certain phenomena characteristic of the state of drug intoxication: «personality split-up», «space duplication», hallucinations.

According to the results of the study, a conclusion is made that there are no specific methods of depicting the state of drug intoxication and the person's perception of the surrounding world in this state: in some cases, metaphorical images are used that are typical for displaying different variants of the emotional, mental, and physiological state in the Russian language world picture in others, typical ways of describing various forms of an altered state of consciousness, known to each person and widely represented in various types of discourse, are involved, including in literary texts: dreams, memories, fantasies, poor health, etc.

The analysis revealed differences in the assessment of some of the depicted aspects of perception of reality from the standpoint of the person experiencing them, and from the standpoint of the reader. In certain cases (when describing hallucinations, etc.), the means perceived by the reader as figurative (metaphorical) reflect the impressions that are real for the subject of this state, perceived by him sentimentally, in this case the corresponding means are not assessed equally by the speaker (narrator) and by the reader.

Key words: linguistic view of the world, conceptualization, metaphor, personification, altered state of consciousness, inner peace.

Citation. Ponomareva O.V., Ilyukhina N.A. *Otazhenie vnutrennego mira litsa v izmenennom sostoianii ego soznaniia (na materiale khudozhestvennykh tekstov)* [Reflection of the inner world of a person in a changed condition of his consciousness (on the material of artistic texts)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 135–142. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-135-142>.

Введение

Отображение внутреннего мира человека в системе языка, в русской языковой картине мира представляет собой объект, интересный и показательный с точки зрения особенностей его моделирования как недоступного непосредственному наблюдению. Отдельного внимания заслуживает феномен измененного состояния сознания человека, и прежде всего с целью обнаружения специфики его языкового отображения.

Предметом анализа в статье является состояние наркотического опьянения с точки зрения его отображения в текстах художественных произведений. В качестве материала для анализа использованы тексты произведений М. Агеева («Роман с кокаином»), Ч. Айтматова («Плаха»), М. Булгакова («Записки юного врача. Морфий»), М. Гиголашвили

(«Чертово колесо»), Н. Гумилева («Путешествие в страну эфира»), С. Соколовского («Ужасная новость»), В. Сорокина («Тридцатая любовь Марины»), В. Пелевина («Generation “П”», «Чапаев и Пустота», «Хрустальный мир», «Тайм-аут, или Вечерняя Москва»).

Цель статьи – выявить способы отображения измененного состояния сознания лица и восприятия им действительности в этом состоянии и оценить их с точки зрения специфики на фоне отображения других состояний лица.

Измененные состояния сознания и их отражение в языке

Как отмечает Н.Н. Болдырев, «язык отражает и интерпретирует процесс и результаты познания мира и самого языка, то есть служит средством отраже-

ния и реализации гносеологической функции, средством осмысления онтологии мира, его концептуализации и концептуализации выделяемых в нем категорий в том числе» [Болдырев 2000, с. 9].

Наркотическое опьянение относится к измененным состояниям сознания. В широком смысле любые измененные состояния сознания — это виртуальные реальности: «...психотический или шизофренический паранойяльный бред, наркотическое или алкогольное опьянение, гипнотическое состояние, изменение восприятия мира под действием наркотика» [Руднев 1997, с. 58]. В широком понимании к измененным состояниям сознания относят также сновидения, воспоминания, мечты, фантазии.

В научной литературе наркотическое опьянение характеризуется как изменения психического состояния индивида, связанные преимущественно с резкой переменой эмоционального фона; изменения в области познавательных процессов, связанных с восприятием, формированием субъективной картины мира; изменения в области мыслительных процессов; соматические нарушения. Ученые отмечают, что на фоне наркотического опьянения мышление становится яснее и образнее, восприятие глубже и чувственнее, пробуждаются психические ощущения с невероятно широкой амплитудой переживаний — от восторга и экстаза до парализующего волю ужаса. Происходит освобождение глубинного «Я» от смысловой обусловленности обыденного сознания и становление этого «Я» в центр виртуального мира [Петросян 1998, с. 5]. При расстройствах восприятия отмечают возникновение галлюцинаций (зрительных, осязательных, звуковых). При действии большинства наркотических веществ местом локализации галлюцинаций является сам индивид, все представления разворачиваются как бы внутри самого человека [Шабанов 2002; Тарт 2003]. Расстройства мышления также отличаются многообразием. Наблюдается нарушение темпа движения мыслей, их ускорение или замедление до персевераций (навязчивого повторения одних и тех же движений, мыслей, представлений). Становится возможным наблюдение за своими переживаниями, их оценка со стороны, возникает ощущение разделения «тела» и «души», «душа» со стороны наблюдает за «телом» [Шабанов 2002; Тарт 2003].

В художественных текстах при изображении лица, находящегося в состоянии наркотического опьянения, находим развернутое описание этого состояния. При этом в материалах представлены практически все описанные в наркологической литературе проявления этого состояния: изменения в восприятии окружающего мира, нарушения ощущения собственного тела, нарушения координации движений и т. д. Вместе с тем в художественных текстах преобладает изображение двух аспектов измененного состояния сознания: самоощущений индивида, связанных с изменением психики и физиологии, и изменений в восприятии действительности. Приведем примеры описания самоощу-

щения лица: «От радости (я слегка задыхаюсь) мне становится невозможно, я уже должен **отплеснуть от нее хоть немножко...**» (М. Агеев); «И тут наступил какой-то момент удивительного состояния легкости, **парения** то ли наяву, то ли в воображении» (Ч. Айтматов); «Крохотная щепотка кокаина **могуче и в единый миг возбуждает в моем организме это ощущение счастья в никогда не испытанной раньше огромности**» (М. Агеев). Сходным образом это состояние описывается в специальной научной литературе, например: «**Постепенно по всему телу разливается ощущение тепла**»; «**К диссоциативным следует отнести наплыв мыслей**»; «**Ум постоянно заполняет идеи**»; «**В груди распирает от радости**» (П. Шабанов); «**Легкий озноб, покалывание в руках и ногах; по телу прокатывается “волна”, иногда “волн” бывает несколько**» (Наркология: национальное руководство).

Анализ этих проявлений на материале художественных текстов, в которых изображению наркотического опьянения персонажей уделено существенное внимание, показал отсутствие специфических языковых средств отражения этого состояния. При отображении эйфории, галлюцинаций, абстинентного синдрома и др. используются те же способы моделирования, которые отражают обычные эмоциональные, ментальные, физиологические процессы либо другие, известные каждому человеку измененные состояния сознания: сильные чувства, сновидения, воспоминания, мысли о будущем.

Среди средств, используемых в этой функции, отмечены олицетворение, метафора, сравнение и гиперболы. При этом во многих случаях их воспроизведение в функции отражения состояния наркотического опьянения практически не отличается от их использования при отражении состояний лица вообще, в том числе других названных выше измененных состояний сознания: сновидений, фантазий, воспоминаний, ухудшения физического самочувствия и т. д. См. примеры выше, а также следующие фрагменты, в которых очевидно сходство с состоянием головокружения: «Он покачнулся, почувствовав, как **земля под ним плавно закружилась**. На ногах он удержался только потому, что ось вращения земли проходила точно сквозь его макушку» (В. Пелевин); «Он бежал, а голову мутило, тело отяжелело, и **земля качалась под его заплетавшимися ногами...**» (Ч. Айтматов).

Обратим внимание на использование приема, похожего на гиперболу в ее восприятии читателем. В тексте произведения В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины» героиня после курения сигареты с марихуаной ощущает изменение в восприятии окружающих вещей: расширение и удлинение пространства комнаты, увеличение предметов и людей, изменение формы, цвета предметов, расстояния до них. При описании звукового и зрительного гиперболизма используется соответствующая лексика: «**огромная голубовато-белая женщина**», «**громоподобный хохот**», «**в толстых губах плясало тлеющее бревно**» [о сигарете], *на тумбочке зияла*

...*лохань* [пепельница] с горкой грязных *поленьев* [о сигаретах], «что-то массивное пронеслось у нее рядом с виском и громким треском расплющило тлеющее бревно о дно лохани» [о сигарете и пепельнице], «загрохотало» [о голосе], «яркий многометровый Будда» [о статуэтке], «большие губы громко раскрылись».

Однако в этих и других случаях гиперболами, метафорами и олицетворениями они могут казаться лишь читателю, поскольку воспроизводят впечатления, реальные для переживающего их лица. Ср. примеры описания нарушений в восприятии пространства, предметов с использованием средств, казущихся метафорическими: «Мик еще раз берет аккорд, потом повторяет его совсем тихо: мне кажется, он уплывает вместе с комнатой» (М. Агеев); «Когда папироса почти кончилась, Марина почувствовала первый “приход”: комната мягко качнулась, расширяясь, голые Маринины ноги потянулись к удаляющемуся окну» (В. Сорокин); «В страшной, в никогда еще небывалой тоске, я закрываю глаза. И медленно и плавно комната начинает поворачиваться и падать одним углом. Угол опускается глубже, проползает подо мной, лезет подо мной, лезет позади меня вверх, появляется надо мной и снова, но уже стремительно падает. Я раскрываю глаза, комната вонзается на место, сохранив свое кружение в моей голове» (М. Агеев).

Прежде всего отметим, что при отражении эмоционального и физического состояния используются те же образные (в том числе собственно метафорические) модели, которые характерны для описания этих денотатов в русском языке — пространственная (в том числе вместилище, перемещение в разных средах), водная, температурная, биоморфная, предметная и нек. др. Например: «Закрыв глаза, испытывая невыразимое томление, я пролетел уже миллионы миль, но странно пролетел их внутрь себя» (Н. Гумилев); «На меня смотрели. Господа и товарищи, думал я, медленно шагая по странно разбинувшемуся залу, сегодня я тоже имел честь перешагнуть через свою старуху <...>» (В. Пелевин); «Чем дольше стою, тем шибче каменею, тем труднее мне сдернуть себя с места. В эту кокаинную ночь все мое тело то каменеет в неподвижности, и мне трудно сдернуться, то устремляется к дергающемуся движению, и тогда мне трудно остановиться...» (М. Агеев).

Особую роль в таких описаниях играет биоморфная модель, объединяющая метафору и олицетворение, которая является универсальным средством образного моделирования в языковой картине мира в целом и чрезвычайно востребована при описании измененного состояния сознания. Чаще всего она встречается при описании эмоциональных и ментальных ощущений. Например: «А мне становится все лучше, все радостнее. Я уже чувствую, как радость моя своей нежной головкой вползает в мое горло, щекочет его» (М. Агеев); «Мысли стали расплзаться. Пилюля не пытался ловить их, отдавшись во власть кодеина, который,

игриво покусывая изнутри, начал привычно щеко-татать живот, перетекать в ноги, завихряться в ступнях и проникать во все тело» (М. Гиголашвили). При этом олицетворяются чувства, мысли, а в последнем примере и мысли, и кодеин.

При абстинентном синдроме биоморфная модель используется для описания изменения в восприятии: окружающие предметы в сознании наркомана в буквальном смысле оживают. Например: «Юнкера медленно поехали по Шпалерной в сторону Смольного. Улица уже давно казалась мертвой — но только в том смысле, что с каждой новой мигнутой все сложнее было представить себе живого человека в одном из черных окон или на склизком тротуаре. В другом, нечеловеческом смысле она, наоборот, оживала: совершенно неприметные днем кариатиды сейчас только притворялись оцепеневшими — на самом деле они провожали друзей внимательными покрашенными глазами. Орлы на фронтонах в любой миг готовы были взлететь и обрушиться с высоты на двух всадников, а бородатые лица воинов в гипсовых картушах, наоборот, виновато ухмылялись и отводили взгляды. Опять завывало в водосточных трубах — это притом, что никакого ветра на самой улице не чувствовалось» (В. Пелевин).

Рассмотрим способы описания галлюцинаций как одного из проявлений наркотического состояния. Как показали наблюдения, они отражаются с использованием тех же средств, что и при описании сновидений (в сновидениях, как известно, человек переживает свою включенность в события, реальные для него в этот момент), ср.:

А) изображение сновидения персонажа в романе М. Булгакова «Белая гвардия»: «Уставшему, разбитому человеку спать нужно, и уже одиннадцать часов, а все спится и спится... Оригинально спится, я вам доложу! Сапоги мешают, пояс впился под ребра, ворот душит, и кошмар уселся лапками на груди.

Николка завалился головой навзничь, лицо побаврело, из горла свист... свист!.. Снег и паутина какая-то... Ну, кругом паутина, черт ее дер! Самое главное — пробраться сквозь эту паутину, а то она, проклятая, нарастает, нарастает и подбирается к самому лицу. И, чего доброго, окутает так, что и не выберешься! Так и задохнешься. За сетью паутины — чистейший снег, сколько угодно, целые равнины. Вот на этот снег нужно выбраться, и поскорее, потому что чей-то голос как будто где-то ахнул: «Никол!» И тут, вообразите, поймалась в эту паутину какая-то бойкая птица и застучала... <...>

— Эх! — крикнул Николка, разодрал паутину и разом сел, всклокоченный, растерзанный, с бляхой на боку. Светлые волосы стали дыбом, словно кто-то Николку долго трепал.

Б) описание галлюцинации в повести М. Булгакова «Записки юного врача»: «И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро и ножками не перебирает под своей пестрой юбкой колоколом

старушонка с желтыми волосами... В первую минуту я ее не понял и даже не испугался. Странно — почему на холоде старушонка простоволосая, в одной кофточке?.. А потом, откуда старушонка, какая? Кончится у нас прием в Левкове, разведутся последние мужские сани, и на десять верст кругом — никого. Туманцы, болотца, леса! А потом вдруг пот холодный потек у меня по спине — понял! Старушонка не бежит, а именно летит, не касаясь земли. Хорошо? Но не это вырвало у меня крик, а то, что в руках у старушонки вилы. Почему я так испугался? Почему? Я упал на одно колено, простирая руки, закрываясь, чтобы не видеть ее, потом повернулся и, ковляя, побежал к дому, как к месту спасения, ничего не желая, кроме того, чтобы у меня не разрывалось сердце, чтобы я скорее вбежал в теплые комнаты, увидел живую Анну... и морфию... И я прибежал. Вздор. Пустая галлюцинация. Случайная галлюцинация» (М. Булгаков).

При описании галлюцинаций нередко фигурируют образы животных, изображаемые также посредством биоморфной модели. Например: «Он сел в оцепенении на землю, не в силах совладать с собой. Поле вызывало беспокойство. Захотелось поскорее вырваться отсюда, бежать. Ладо попытался внушить себе, что это просто паника, которая накатывает, когда переберешь анаши, но волнение не проходило. Внезапно в просветах мелькнуло что-то яркое, блестящее. Он выглянул: на поляне как-то странно, по-собачьи, сидел теленок и внимательно смотрел на него. Он испугался: «Откуда тут теленок?» Махнул на него рукой, шикнул. Теленок повел головой. А это вовсе не теленок, а огромная, худая и бурая, словно живьем копченная свинья, которая приветливо кивает ему, перекатывая в пасти розовую редиску...» (М. Гиголашвили).

Графически выделенные средства могут производить впечатление метафорических, поскольку передают не существующие в реальной действительности события, однако в сознании переживающего их лица эти иллюзорные образы и события являются реальными и потому живописуются языковыми средствами, отнюдь не являющимися для использующего их лица метафорами. Ср. в этой функции аналог предметной метафоры, изображающий мыслительную деятельность лица в его искаженном восприятии: «Татарский <...> заметил, что думать стало сложно и даже опасно, потому что его мысли обрели такую свободу и силу, что он больше не мог их контролировать. Ответ сразу же появился перед ним в виде трехмерной геометрической фигуры. Татарский увидел свой ум — это была ярко-белая сфера, похожая на солнце, но абсолютно спокойная и неподвижная. Из центра сферы к ее границе тянулись темные скрученные ниточки-волоконца. Татарский понял, что это и есть его пять чувств. Волоконце чуть потолще было зрением, потоньше — слухом, а остальные были почти невидимы. Вокруг этих неподвижных волокон плыла извивающаяся спираль, похожая на нить электрической лампы, которая то совпадала на миг с

одним из них, то завивалась сама вокруг себя светящимся клубком вроде того, что оставляет в темноте огонек быстро вращаемой сигареты. Это была мысль, которой был занят его ум. «Значит, никакой смерти нет, — с радостью подумал Татарский. — Почему? Да потому, что ниточки исчезают, но шарик-то остается!» То, что ему удалось сформулировать ответ на вопрос, терзавший человечество последние несколько тысяч лет, в таких простых и всякому понятных терминах, наполнило его счастьем» (В. Пелевин).

Обратимся к еще одному фрагменту описания галлюцинаций, в котором, в частности, используется модель полета как формы перемещения в пространстве: «Закрыв глаза, испытывая невыразимое томление, я пролетел уже миллионы миль, но странно пролетел их внутрь себя. Та бесконечность, которая прежде окружала меня, отошла, потемнела, а взамен ее открылась другая, сияющая во мне. <...> как жаворонок, сложив крылья, падает на землю, так золотая точка сознания падает вглубь и вглубь, и нет падению конца, и конец невозможен. Открываются неведомые страны. Словно китайские тени, проплывают силуэты, на земле их называли бы единорогами, храмами и травами. Порою, когда от сладкого удушья спирается дух, мягкий толчок опрокидывает меня на спину, и я мерно качаюсь на зеленых и красных, волокнистых облаках. Дивные такие облака! Надо мной они, подо мной, и густые, и пространства видишь сквозь них, белые, белые пространства. Снова нарастает удушье, снова толчок, но теперь уже паришь безмерно ниже, ближе к сияющему центру. Облака меняют очертания, взвиваются, как одежда танцующих, это безумие красных и зеленых облаков. Море вокруг, рыжее, плещущее яро. <...> Я поплыл на запад. Кругом плескались дельфины, чайки резали крыльями волну, а меня захлестывала горькая вода, и я был готов потерять сознание» (Н. Гумилев).

Показательно, что эта модель широко используется в русском языке для описания интеллектуального состояния вообще, фантазий, мечтаний, но используется в качестве когнитивной метафоры, например, в выражениях *в мыслях она улетает в прошлое; мечта уносит его далеко; на крыльях фантазии* и под. Однако при описании состояния галлюцинаций эта модель, как и другие, имеет функцией буквальное изображение состояния лица, его впечатлений, происходящих с ним событий.

При описании наркотического состояния последовательно наблюдаются два сходных эффекта (и приема их описания): так называемое **раздвоение** (либо удвоение) личности и удвоение пространства. Нередко эти эффекты и отражающие их приемы описания совмещаются.

Рассмотрим описание эффекта удвоения (раздвоения) личности. Как уже говорилось, при характеристике состояния наркотического опьянения ученые-наркологи отмечают явление «раздвоения личности», когда лицо ощущает присутствие части своего «Я» в виде живого существа, которое описывается с использованием биоморфной модели.

Так, при описании абстинентного синдрома противопоставляются чувства тоски и здравого смысла (нормального сознания). В одних случаях лицо с измененным сознанием ассоциирует себя со страдающим субъектом, а рациональное начало воплощается в образе иного живого существа – в произведении Агеева в образе хитрого бесенка, в романе В. Пелевина в образе мифологического существа сирруфа. В других случаях субъекту противопоставлено живое существо, воплощающее чувство, доминирующее в данный момент в его сознании – радость, или надежда, или отчаяние. Например: *«В страшной, в никогда еще небывалой тоске, я закрываю глаза. <...> Но уже хитрый бесенок, тот самый, который (если только к нему прислушаться) – даже самые радостные чувства отравляет сомнением, – а самое ужасное отчаяние облегла надеждой, этот хитрый, ни во что не верящий бесенок мне говорил: – все твои слова – это театр, все это только театр; пропасть ты не пропал, а ежели тебе худо, так одевайся, иди на воздух: здесь тебе сидеть нечего»* (М. Агеев).

Однако эффект «раздвоения личности» органичен также для русской языковой картины мира при отражении соотношения разных начал внутренней жизни человека вообще. Он чаще всего реализуется в виде стертой когнитивной метафоры: *«признался себе, спорил сам с собой, борьба долга и чувства»* (см., в частности, статьи [Илюхина 2003а; Илюхина 2003б]). В рамках этого приема одно из начал, особенно в художественных текстах, нередко предстает также в образе живого существа, например: *«Живут во мне воспоминания* (Р. Рождественский); *Во всяком человеке, конечно, таится зверь, – зверь гневливости...»* (Ф. Достоевский). При описании состояния человека такие средства расцениваются как метафоры, моделирующие абстрактные феномены. Однако по отношению к измененному состоянию сознания функция данных средств бывает иной: они не моделируют образным способом состояние лица, а передают реально для него существующие, сенсорно воспринимаемые существа (представляющие одну из ипостасей лица) и связанные с ними события. Приведем развернутый пример, в котором детализированно показано реальное для переживающего лица раздвоение личности:

«Наевшись вместе с Гиреевым мухоморов, он постиг нечто невыразимо важное <...>.

– Господи, – пробормотал он, – как все-таки трудно протащить сюда хоть что-то...

– Вот именно, – сказал тихий голосок. – Откровение любой глубины и ширины неизбежно упрется в слова. А слова неизбежно упрутся в себя.

Голос показался Татарскому знакомым.

– Кто здесь? – спросил он, оглядывая комнату.

– Сирруф прибыл, – ответил голос.

– Это что, имя?

– This gate has no name, – ответил голос. – Скорее, это должность...

На этот раз он увидел говорящего, или, скорее, мгновенно и без всяких усилий представил его себе.

Сначала ему показалось, что перед ним подобие собаки – вроде гончей, но с мощными когтистыми лапами и длинной вертикальной шеей. У зверя была продолговатая голова с коническими ушами и очень милая, хотя немного хитрая мордочка, над которой завивался кокетливый гребешок. Кажется, к его бокам были прижаты крылья. Приглядевшись, Татарский понял, что зверь был таких размеров и такой странный, что лучше к нему подходило слово «дракон», тем более что он был покрыт радужно переливающейся чешуей (впрочем, к этому моменту радужно переливались почти все предметы в комнате). Несмотря на отчетливые рептильные черты, существо излучало такое добродушие, что Татарский не испугался.

«Зачем надо было эту дрянь есть?» – подумал он с тоской.

– Совершенно незачем, – сказал сирруф, опять появляясь в неизвестном измерении его сознания. – Вообще никаких наркотиков человеку принимать не стоит. А особенно психоделиков» (В. Пелевин).

Наряду с «раздвоением личности» в описаниях наркотического опьянения наблюдается своеобразное удвоение реальности, представленное в описании как удвоение пространства. В появляющемся втором пространстве разворачиваются иллюзорные, но не менее реальные для лица события. В его сознании эти пространства вместе с происходящими в них событиями совмещаются – лицо ощущает себя одновременно в двух пространствах. Такое совмещение пространств наблюдаем и в произведении М. Булгакова «Записки юного врача»; при этом оба событийных ряда (реальный и иллюзорный) герой-повествователь именуется снами, которые разворачиваются в разных пространствах. На передний план выходят события иллюзорного сна, а на заднем плане разворачиваются реальные события:

«Таких снов на рассвете я еще никогда не видел. Это двойные сны.

Причем основной из них, я бы сказал, стеклянный. Он прозрачен.

<...> я вижу жутко освещенную лампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет. Оркестр, совершенно неземной, необыкновенно полнозвучен. Впрочем, я не могу передать это словами. Одним словом, в нормальном сне музыка беззвучна...<...>, а в моем сне она слышна совершенно небесно. И главное, что я по своей воле могу усилить или ослабить музыку. <...> сквозь переливающиеся краски Аиды выступает совершенно реально край моего письменного стола, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол и слышны, прорывшись сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты.

Значит, – восемь часов, – это Анна К., идет ко мне будить меня и сообщить, что делается в приемной. <...>

Анна. – Сергей Васильевич...

Я. — Я слышу... (тихо музыке «сильнее»).
Музыка — великий аккорд.
Ре-диез...

Анна. — Записано двадцать человек.
Амнерис (поет)» (М. Булгаков).

Для лица в обычном состоянии характерно восприятие мира как находящегося вне его и воспринимаемого как *внешняя действительность*. В языковой картине мира внешнему миру противопоставлен так называемый *внутренний мир* — мир чувств, мыслей, воспоминаний, фантазий и т. п. (*глубоко задумался, ушел в себя; вышел из себя; живут во мне воспоминания*). При переходе от воспоминаний к реальной ситуации (из одного измерения в другое) человек разделяет два событийных ряда, вполне осознавая «виртуальный характер» пространства воображаемых событий.

В состоянии наркотического опьянения внимание лица обращено преимущественно «внутрь себя», в мир собственных ощущений и фантазий. Приведем примеры, в которых для изображения этого состояния используется модель «себя-вместилища»:

«— А. Понял. Слушай, а почему так говорят — придут, приход? Откуда они вообще приходят?

— Я бы сказал, что изнутри приходят, — ответил Володин.

— То есть что, они там все время и сидят?

— У нас внутри — весь кайф в мире. Когда ты что-нибудь глотаешь или колешь, ты просто высвобождаешь какую-то его часть. В наркотике-то кайфа нет, это же просто порошок или вот грибочки... Это как ключик от сейфа. Понимаешь? (В. Пелевин); *Вокруг меня люди, много, очень много людей. Но это не галлюцинация: я вижу этих людей не вне, а внутри себя. Здесь студенты, учащиеся, женщины и другие <...>*.

— Ах, профессор, — восторженно кричит курсистка (профессор — это я) — ах, профессор, пожалуйста, сегодня о спорте. <...> Я небрежно улыбаюсь и кривые, косые, бородастые, волосатые круто стихают.

— Спорт, господа, это есть затрата физической энергии в непрерывных условиях взаимного соревнования и совершенной непроизводительности. Безрукие, кривые, косые дико орут — «дальше» — «еще-еще» — «дальше». <...> Я поднимаю руку. Тишина.

— Для нас, господа, — шепчу я, — важен не спорт, не его сущность, а степень его воздействия, его влияние на общество, и даже, если угодно, на государство» (М. Агеев).

При этом одновременно лицо ощущает себя и в реальном мире, связи с которым оно не теряет, и в мире иллюзорном. При описании внутреннего пространства, в котором локализовано наркотическое переживание, используются пространственные модели — как стереотипные для описания внутреннего состояния (образ вместилища), так и индивидуальные, представляющие собой конкретные формы вместилища, подчеркивающие необычность, странность мироощущения и самоощущения (образы стеклянного сна, призрачного колпака,

мыльного пузыря и др.). Характерно, что большинство образов имеют развернутое описание — как раз потому, что вместилище выступает не стереотипным (стертым и не ощущаемым) образом, а сенсорно воспринимаемым феноменом.

В этой функции отмечены образы *призрачного колпака, мыльного пузыря* (Гиголашвили), *стеклянного сна* (Булгаков), *хрустального шара, брони* (Пелевин), *оболочки, одеяла* (Агеев), очерчивающие ограниченное пространство, в котором разворачиваются иллюзорные события. Эпитеты *призрачный, мыльный, стеклянный, хрустальный* указывают на просвечиваемость иллюзорного мира, в котором лицо ощущает себя: *сквозь иллюзорный мир проступает мир реальный*. Например: *«Когда появился тот проклятый призрачный колпак кайфа, который кто-то упорно напяливал на Коку?.. Колпак покрывал с головой, отрезал от мира, отделял от людей: вот тут он, Кока, а там — все остальное... Кайф проходил, колпак съезжал, лопался, оставляя наедине с пробоинами в душе и теле, когда ломка крутит колени, сводит кости, а ребра становятся резиновыми. И было отвратно холодно без колпака. Мозг и тело просились назад, под спасительную пленку, хотя известно, что жизнь под этим мыльным пузырем коротка, он неизбежно получит пробоину, лопнет, сгинет, оставив после себя страх смерти, и трупный холод одиночества, и горестные мысли <...>»* (М. Гиголашвили).

Выводы

По итогам анализа выявленной картины становится очевидно, что принципиально разные измененные состояния сознания (с одной стороны, наркотическое опьянение, с другой — сновидения, мечты, воспоминания и т. п.) имеют определенное сходство не только в своих проявлениях, но и в языковых способах их описания. Последнее не приходится считать случайным. Есть основания полагать, что метафорические образы, типичные для описания состояния лица вообще, эмоциональных, ментальных, физиологических процессов в языковой картине мира (особенно решительно преобладающие пространственный и биоморфный образы), одним из своих истоков могут иметь буквальные впечатления, переживаемые любым человеком в состоянии сна, воспоминаний и других проявлений измененного состояния сознания. Это один из путей трансформации буквальных, сенсорно переживаемых впечатлений, которые человек тем не менее оценивает как иллюзорные, «виртуальные», в собственно метафорические образы, обслуживающие ту же сферу «внутренних» переживаний и состояний. Второй путь, связанный с метонимическим переносом способов описания состояний и действий человека на состояния любой «части» концептосферы «человек» (*человек требует — организм требует, желудок требует, душа требует* и т. п.) рассматривается, в частности, в статье [Илюхина 2003б].

Библиографический список

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 250 с.

Илюхина Н.А. О взаимодействии ментальных моделей при языковом отражении концептосферы «человек» // Семасиологический и когнитивный аспекты анализа языка и дискурса: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003а. С. 9–17.

Илюхина Н.А. О метонимическом механизме олицетворения (на материале концептосферы «человек») // Наука в высшей школе: Проблемы интеграции: материалы III международной (VI межрегиональной) науч. конф. М.: Изд-во УРАО, 2003б. С. 36–43.

Наркология: национальное руководство / под ред. Н.Н. Иванца, И.П. Анохиной, М.А. Винниковой. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 720 с.

Петросян С.Р. Культура безумия. Проблема популярности психоактивных веществ. 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fidelkastro.ru/psihology/kult_bez.htm.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М.: ЭКСМО, 2003. 385 с.

Шабанов П.Д. Наркология: практическое руководство для врачей. СПб.: Лань, 2002. 506 с.

References

Boldyrev N.N. *Kognitivnaia semantika* [Cognitive semantics]. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2000, 250 p. [in Russian].

Ilyukhina N.A. *O vzaimodeistvii mental'nykh modelei pri iazykovom otrazhenii kontseptosfery «chelovek»* [On the interaction of mental models in the language reflection of the conceptual sphere «man»]. In: *Semasiologicheskii i kognitivnyi aspekty analiza iazyka i diskursa: Mezhvuz. sbornik nauchnykh trudov* [Semasiological and cognitive aspects of the analysis of language and discourse: Interuniversity collection of research papers]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2003a, pp. 9–17 [in Russian].

Ilyukhina N.A. *O metonimicheskom mekhanizme oлитsetvoreniia (na materiale kontseptosfery «chelovek»)* [On the metonymic mechanism of impersonation (based on the conceptual sphere «man»)]. In: *Nauka v vysshei shkole: Problemy integratsii. Materialy III mezhdunarodnoi (VI mezhregional'noi) nauchnoi konferentsii* [Higher School Science: Integration Problems. Proceedings of the III International (VI Interregional) Research Conference]. M.: Izd-vo URAO, 2003 b, pp. 36–43 [in Russian].

Narkologiya: natsional'noe rukovodstvo. Pod red. N.N. Ivantsa, I.P. Anokhinoi, M.A. Vinnikovo [Narcology: national textbook. N.N. Ivanets, I.P. Anokhina, M.A. Vinnikova (Eds.)]. M.: GEOTAR-Media, 2008, 720 p. [in Russian].

Petrosyan S.R. *Kul'tura bezumiia. Problema populiarnosti psikhoaktivnykh veshchestv* [Elektronnyi resurs] [Culture of madness. The problem of the popularity of psychoactive substances [Electronic resource]. 1998. Available at: http://www.fidelkastro.ru/psihology/kult_bez.htm [in Russian].

Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of the culture of XX century]. M.: Agraf, 1997, 384 p. [in Russian].

Tart Ch. *Izmenennyye sostoiianiia soznaniia* [Altered states of consciousness]. M.: EKSMO, 2003, 385 p. [in Russian].

Shabanov P.D. *Narkologiya: prakticheskoe rukovodstvo dlia vrachei* [Narcology: a practical guide for doctors]. SPb.: Lan', 2002, 506 p. [in Russian].